

Серия
«За чужими окнами»

Мария МЕТЛИЦКАЯ

«В книгах Марии Метлицкой яркие характеры, нетривиальные повороты сюжетов, тонкий юмор. Для меня не существует писателей начинающих и продолжающих. Писатель — или он есть, или его нет. Мария Метлицкая — есть».

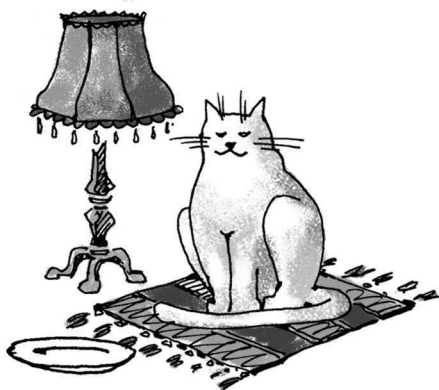
Виктория Токарева

0000-123

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метелицкая

Наша
маленькая жизнь

Москва
2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
П. Петрова

Метлицкая, Мария.
М54 Наша маленькая жизнь : рассказы / Ма-
рия Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. —
320 с.

ISBN 978-5-04-093433-1

Мария Метлицкая приподнимает занавес, за которым — чужая жизнь, но читателю все время хочется сказать: «Это я». Это я рыдала в аэропорту, провожая любимого и зная, что больше никогда его не увижу. Это я, встретив первую любовь, поняла, что не смогу второй раз войти в эту реку. Это я вдруг осознала, что молодость стремительно пролетела и вернуть ее невозможно.

И каждый скажет: героиня Метлицкой справились со всеми испытаниями судьбы. Значит, и я смогу, и я справлюсь.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-093433-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Алик – прекрасный сын

Соседей, как и родственников, не выбирают. Хотя нет, не так. С несимпатичными родственниками ты можешь позволить себе не общаться, а вот с соседями — хочешь не хочешь, а приходится, если только совсем дело не дойдет до откровенного конфликта. Но мы же интеллигентные люди. Или пытаемся ими быть. Или хотя бы казаться. Да еще есть такие соседи, от которых никуда не деться. В смысле не спрятаться. Особенно если вы соседи по даче, участки по восемь соток и у вас один общий забор. В общем, секс для бедных.

Хозяин дома, Виктор Сергеевич, отставник, человек суровый и прямой, был категоричен и считал, что с соседями точно не подфартило. А вот его супруга Евгения Семеновна, женщина тихая и интеллигентная, учительница музыки, была более терпима и к тому же жалостлива, впрочем, как почти любая женщина.

Теперь о том, кого она жалела.

Соседская семья состояла из четырех человек: собственно хозяйка, глава семьи и рулевой

Клара Борисовна Брудно, мать двоих детей и женщина практически разведенная, но об этом позже; двое ее детей — сын Алик и дочка Инка; и престарелая мать, Фаина. Без отчества. Просто Фаина.

Теперь подробности. Клара была женщиной своеобразной. Крупной. Яркой. Шумной. Все это мягко говоря. Если ближе к реалиям — то не просто крупной, а откровенной толстухой. Объемным было все — плечи, руки, грудь (о да-а!), бедра, ноги, живот. Все — с излишком. Яркой — да, это правда. Лицо ее было преувеличенно рельефным — большие, темные, навывкате глаза, густые брови, мощный, широкий нос и крупные, слегка вывернутые губы. Все это буйство и великолепие обрамляли выющиеся мелким бесом темные и пышные волосы, которые Клара закручивала в витиеватую и объемную башню. Дополнялось все это яркой бордовой помадой и тяжелыми «цыганскими» золотыми серьгами в ушах. Полные руки с коротко остриженными ногтями, на которых толстым и неровным слоем лежал облупившийся лак. Одевалась она тоже — будьте любезны: в жару тонкое нижнее трико по колена, розовый атласный лифчик, сшитый на заказ (такие объемы советская промышленность предпочитала не замечать), а поверх всего этого надевался длинный фартук с карманом. Если спереди вид был куда-никуда, то когда Клара поворачивалась задом... Картинка не для слабонервных.

Хозяйка она была еще та — к мытью посуды приступала, только когда заканчивалась последняя чистая тарелка или вилка. А обед она готовила так: в большую, литров шесть, кастрюлю опускала кости, купленные в кулинарии по двадцать пять копеек за кило. Это были даже не кости, а большие и страшные мослы, освобожденные от мяса почти до блеска. Они вываривались часа три-четыре, потом щедрой рукой Клара кидала в чан крупно настроганные бруски картошки, свеклы, моркови и лука. В довершение в это гастрономическое извращение всыпалась любая крупа: гречка, пшено, рис — все, что оказывалось в данный момент под рукой. Этот кулинарный шедевр Клара называла обедом. Готовился он, естественно, на неделю. То же страшноватое варево предлагалось заодно и на ужин. Хлеб, правда, что на обед, что на ужин, резался щедро, крупными ломтями — батон белого и буханка черного.

По выходным (читай, праздник) делалась немислимая по размеру яичница — праздник для детей, но и это нехитрое блюдо Клара умудрялась испортить, добавляя туда отварную картошку и вермишель. Хотя понять ее было можно — все постоянно хотели есть, особенно старая Фаина. Фаина эта вообще была штучка — крошечная, сухонькая, с тощей седой косицей, в которую непременно влеталась сеченная по краям мятая атласная ленточка грязно-розового цвета, тоже выдавшая виды. Считалось, что

Фаина занимается огородом — Клара ее называла Мичуриным. Действительно, она маячила на участке весь световой день — что-то перепальывала, рыхлила, пересаживала. Не росло ничего. Даже элементарный лук вырастить не получалось, не говоря об огурцах, редиске и прочем. Потом она додумалась удобрять свое хозяйство отходами человеческого организма, помешивая весь этот ужас длинной палкой в старой жестяной бочке. Но тут не выдержала даже спокойная Евгения Семеновна и попросила прекратить эти опыты. Примерно в час дня Фаина взывала к совести дочери и требовала обед.

Клара громко возмущалась:

— Такая тощая, а столько жрешь!

Фаина оправдывалась:

— Я же занимаюсь физическим трудом.

— Ха! — громогласно, участков эдак на пять, восклицала Клара. — А где результат твоего труда?

Домочадцев она называла иждивенцами, правда, о каждом говорила с разной интонацией. О Фаине — с легким презрением и пренебрежением, о сыне Алике — гневно и почти с ненавистью, а о дочке Инне — с легкой и нежной иронией.

Инну, довольно хорошенькую, молчаливую и туповатую кудрявую толстушку, Клара обожала, это была ее единственная и ярая страсть. На улицу, где шла вольная жизнь местных детей, девочка выходила молча, бочком, на велосипе-

де не каталась, в салки и казаки-разбойники не играла, тихо посапывая, сидела на бревне и жевала горбушки, распиханные по многочисленным карманам грязноватого сарафана. Брата ее Алика тоже всерьез особо не принимали — тощий, носатый, с вечными соплями, хлюпающий ханурик в сатиновых трусах. Ни толку от него, ни проку. Но его жалели, не гнали и, всегда неохотно вздыхая, брали в игру. Клару, конечно же, осуждали. Два родных ребенка — и такая разница в отношении! Допустим, бывают у матери любимчики, хотя это странно, но факт — бывают. Но чтобы одного ребенка так откровенно, не стесняясь, лелеять, а второго, мягко говоря, не замечать! Впрочем, все они там были с большими прибабаками.

— Иннуса! — сладким голосом кричала Клара, стоя на крыльце подбоченья.

— Чего? — не сразу откликнулась дочь.

— Иди, солнышко, кофе пить, — ворковала Клара.

Конечно, это был не кофе — кофе был им просто не по карману, — а какое-то пойло, дешевый напиток, но к нему полагались пряники или овсяное печенье, немислимые лакомства, достававшиеся из глубоких и никому не ведомых Клариных тайников. Клара и дочка усаживались на веранде и начинали пировать. Фаина сидела на грядах и водила носом — ее на эти пиршества не приглашали, а Алика и по давню. Евгения Семеновна не выдерживала, подходи-

ла к общему забору и тихо выговаривала Кларе — за мать, за Алика. Клара не обижалась, а отвечала спокойно:

— Что вы, Евгения Семеновна, Фаине кофе вредно, спать ночью не будет. А этот малахольный и так по ночам ссытся — это в тринадцать то лет! Ну их! — махала рукой Клара, облизывая крошки с толстых, накрашенных губ.

Евгения Семеновна качала головой и Клару осуждала:

— Ведь он тоже ваш сын, Клара, а как приемыш, ей-богу.

— Ох, — вздыхала Клара, закатывая глаза, — вы же знаете, Евгения Семеновна, Алик у меня от этого изверга (так обозначался первый Кларин муж). Такой же шаромыжник растет, как его отец. Ни тпру, ни ну. Нахлебалась я с ним — во! — Клара проводила рукой по горлу. — Ну, сами знаете, — деловито добавляла она. — Не жизнь была — пыточная камера. А Иннуся, — взгляд ее влажнел и останавливался, — знаете ведь, от любимого человека. И это большая разница! — Клара назидательно поднимала похожий на сардельку указательный палец.

— Бросьте, Клара, — сердилась Евгения Семеновна, — дети тут ни при чем. Сначала рождаете от кого попало, а потом свои обиды и комплексы на них вымещаете.

Клара тяжело вздыхала — соглашаться ей уже надоело, это было не в ее характере. Тогда она укоряла соседку.

— Вы, Евгения Семеновна, педагог, — произносила она по слогам. — У вас все по науке, а жизнь — это жизнь. — И, не выдерживая, начала хамить: — Да и что вы в этом смыслите! Своих-то у вас нет! — И, развернувшись, чувствуя себя при этом победительницей и единственно правой, она с достоинством удалялась от забора, демонстрируя несвежее фиолетовое трико.

Евгения Семеновна расстраивалась, даже плакала — от обиды и хамства. Уходила в дом и переживала, долго, до вечера. Муж ее ругал:

— Куда ты лезешь! Дура ты, а не она! Нашла с кем связываться — с этой непробиваемой хамкой и торгашкой. Удивительно, — кипятился он, — ну ничему тебя жизнь не учит. Сиди на участке и не лезь в чужие жизни.

— Мне ребенка жалко! — всхлипывая, оправдывалась Евгения Семеновна.

— Заведи себе кота, — резко бросал муж и хлопал дверью.

Прожив долгую жизнь, внутренне они так и не смирились со своей бездетностью. Дернул же черт Евгению Семеновну тогда, зимой 79-го, в страшный мороз и гололед, будучи на шестом месяце, отправиться с подругой в кино. Идти не хотелось, но, как всегда, было трудно отказаться. Упала она почти у подъезда — страшно ударилась затылком, так, что не спасла отлетевшая в сугроб песцовая шапка. Потеряла сознание, и сколько пролежала она на льду, одно-

му Богу известно. У нее было сотрясение мозга, ночью начались боли и рвота. Ребенка она потеряла. Как следствие — сильнейший стресс, депрессия, жить тогда вообще не хотелось. Вылезала из этого годами, с невероятным трудом. Усугубляло еще и страшное чувство вины — перед младенцем, а главное, перед мужем. Забеременеть ей так больше и не удалось — сколько ни старалась, ни лечилась. Чувствовала, что муж ее так и не простил, хотя сказал всего одну фразу: «Эх, Женя, Женя...»

К сорока годам, поняв окончательно, что борьба бессмысленна, робко заговорила с мужем о возможности взять младенца в детском доме. Он тяжело посмотрел на нее и сказал:

— Нет, Женя, чужого не полюблю. — И добавил: — Раньше думать надо было.

Тогда она еще раз убедилась — не простил. Значит, не простит никогда. Жизнь была ей тягостна и порой невыносима — к чудовищной, неустанной боли прочно приклеилось чувство неизбывной вины. И каждый раз, глядя на небрежное Кларино материнство, она думала о вселенской несправедливости — такой, как *эта*, Бог дал двоих, а ей — ни одного. За что, Господи, за один необдуманый шаг, даже не за проступок, — и такая кара, такая непосильная плата. Ах, какой бы она могла быть матерью!

Бездетные женщины обычно испытывают к чужим отпрыскам либо полное безразличие

и неприятие, либо глубокую и тщательно скрываемую нежность и жалость.

Евгения Семеновна жалела неприкаянного Клариноного сына Алика, переживая и яростную обиду, и тихую скорбь, и непреодолимое желание обогреть, накормить и просто обнять, прижать к своему изболевшемуся сердцу. Пару раз, в бессонницу, ей приходила в голову дикая мысль — забрать Алика у Клары. В том, что та легко откажется от него, Евгения Семеновна практически не сомневалась. Мысленно она выстраивала свои долгие монологи, переходящие в не менее долгие диалоги с Klarой. Монологи ей казались убедительными, основанными на убежденности в Кларином благоразумии. Аргументы были бесспорны: «Ты одна, бедствуешь, двоих тебе не поднять. Рвешься, бедная, бьешься. А мы — обеспеченные люди: прекрасная квартира в центре, машина, дача; да-да, конечно, у тебя тоже, но ты все же не равняй кирпичный дом с печкой и душем и твою, прости, Клара, развалюху. А образование? У Алика, между прочим, прекрасный слух. Музыканта, конечно, из него не выйдет, поздновато, а так, для общего образования... И библиотека у нас прекрасная. И у него будет отдельная комната».

Словом, все «за». Евгения Семеновна представляла удивленное Кларино лицо. Скорее всего, она не согласится сразу, нет, конечно, Клара расчетлива и примитивно хитра. Навер-

няка сначала схамит — типа, в своем ли вы уме, Евгения Семеновна? А потом придет в себя, подумает, прикинет выгоду от этого предприятия и наверняка согласится.

На самый крайний случай у Евгении Семеновны имелся последний довод склонить соседку на сделку — старинная наследная брошь, даже не брошь, а какой-то орден, что ли, в общем, звезда, острые лучи которой были плотно усеяны разной величины бриллиантами, а в середине располагался довольно крупный кровавый рубин. Звезду эту перед смертью ей сунула тетушка, сестра матери, за которой Евгения Семеновна ходила последние три года перед ее смертью. От мужа она этот подарок утаила, и из-за этого тоже умудрялась страдать. Но сильнее оказалась постоянно точившая мысль, что в конце концов, по всей логике, он все же ее бросит, уйдет, заведет себе ребенка на стороне, непременно уйдет. А эта цапка — все же кусок хлеба на черный день, на одинокую старость. Вполне себе оправдание. Теперь она думала, что предложит Кларе эту самую звезду, та, конечно, не сможет отказаться — такое богатство! Инночкино приданое.

Но после этих изнуряющих монологов Евгения Семеновна понимала, что без мужниного слова начинать беседу с Кларой невозможно. Пыталась завлечь Алика в дом — не только из корыстных целей, а в первую оче-

редь из жалости. Звала его, он заходил — боком, потупив взор: тощий, взъерошенный, грязный, нелепый. Она его сажала на кухне и кормила бутербродами с дефицитной сухой колбасой, щедро сыпала в вазочку шоколадные конфеты, и сердце ее сладко замирало, когда этот, в сущности, неприятный чужой ребенок, вытирая мокрый нос тыльной стороной грязной, с нестриженными ногтями, руки, жадно глотал куски, неловко разворачивал конфеты, нечаянно проливал чай, тихо говорил «спасибо» и пятился к двери.

— Алик! — кричала она ему вслед. — Завтра заходи непременно!

Еще больше смущаясь и мучительно краснея, он кивал, своим худым телом почти просачивался в узкую щель калитки — и убегал на свободу.

Она пыталась заводить разговор с мужем издалека, подобострастно спрашивая:

— Чудный мальчишка, правда?

Муж поднимал на нее глаза, несколько минут молча смотрел и, тяжело вздыхая, говорил:

— Займись чем-нибудь, Женя. Полезным трудом, что ли. Или иди почитай. — И, помолчав, добавлял: — Не приваживай его, Женя, это неправильно. Там семья и там своя жизнь. Это все не нашего ума дело. И не придумывай себе ничего. — Он резко вставал из-за стола и бросал ей: — А парень, кстати, действительно мала-

хольный, эта дура Клара права. Дикий какой-то и грязный, — заключал он, брезгливо сморщившись.

Евгения Семеновна поняла, что ничего из ее затеи не выйдет. Никогда, никогда муж не согласится взять Алика. И чутье ей подсказывало: «Даже не вздумай начинать с ним этот дурацкий разговор. Из дур потом до конца жизни не вылезешь». Муж был человек резкий и без церемоний. В общем, затею эту она оставила и думать об этом себе запретила — еще одна зарубка на сердце. Мало их, что ли? Подумаешь, еще одна. Оставалось только по-воровски, в отсутствие мужа, зазывать Алика на чай. И мысленно голубить его, стесняясь своих чувств, — дотронуться до него она не решалась.

А у соседей разгорались очередные страсти. Обычно за лето два-три раза наезжал бывший Кларин муж, отец Алика. Клара называла его хануриком. Он и вправду был ханурик — тощий, носатый, с тревожным взглядом бегающих глаз, с тонкими, какими-то острыми пальцами, теребящими угол рубашки или брючный ремень. Приезжал он скорее к Кларе, чем к Алику. Алик его тоже особенно не интересовал, а Клару он продолжал страстно обожать — и это было видно невооруженным глазом. От станции он шел быстро, вприпрыжку, задирая ноги в растоптанных коричневых сандалиях. В правой руке держал выдавший виды дешевый дерматиновый портфель, а в левой торже-

ственно нес картонную коробку с бисквитным тортом — Клара обожала сладкое. Ни о каком подарке сыну — ни о самой дешевой пластмассовой машинке, ни о паре клетчатых ковбоек, ни о новых брюках — речи не было, ему это и в голову не приходило. Ехал он повидаться с любовью всей своей жизни, коварно ему изменившей когда-то с его же начальником. Он долго маялся у калитки, не решаясь войти, и, покашливая от волнения, срывающимся на фальцет голосом жалобно вскрикивал: «Клара, Клара!»

Клара не слышала — она была в доме, варила обед. На участке копошилась Фаина, на крики бывшего зятя особо не реагируя. Спустя примерно полчаса она поднимала голову и спрашивала недоуменно:

— Чего орешь?

— Фаина Матвеевна, — жалобно просил он, — позовите, пожалуйста, Кларочку.

Фаина распрямлялась, не спеша терла затекшую спину, еще минут десять думала, а стоит ли вообще реагировать на просьбу этого товарища, и, повздыхав, медленно направлялась к дому позвать дочь. Клара возникала на крыльце — гордый вид, руки в боки.

— Ну, — кричала она с крыльца, — что приперся? Чего надо?

— Кларочка, можно зайти? — заискивал бывший муж и уже просовывал узкую ладонь в щель между штакетником, пытаясь скинуть ржавый

металлический крючок, запиравший калитку изнутри.

Клара, в той же воинственной позе, подбоченясь, с ножом или поварешкой в руке, молча и неодобрительно смотрела на эти действия.

Жалко улыбаясь, отец Алика протискивался в калитку и шел по тропинке к дому, но вход туда перегораживала мощным телом любовь всей его жизни — Клара.

Ничего-ничего, главное — пустили, радовался он и присаживался на шаткой скамеечке у дома, ставил коробку с тортом, вынимал клетчатый платок и долго и тщательно вытирал им вспотевшее лицо.

— Жарко! — оправдывался он.

Клара молчала. Тогда, поняв в очередной раз, что здесь ему ничего не предложат, он жалобно просил принести ему водички. Так и говорил — «водички».

Клара слегка медлила, потом разворачивалась и уходила в дом за водой, а он вытягивался в струнку, трепеща, сладко замирал, с восторгом и страстью глядя на ее еще крепкие ноги и могучие ягодицы, грозно перекатывающиеся в фиолетовом трико.

Клара выносила воды в ковшике — еще чего, в чашке подавать. Он жадно пил, а она с ненавистью смотрела на его острый кадык.

— Ну! — повторяла она нетерпеливо.

Бывший муж мелко и торопливо кивал головой, приговаривая: